

Глава 1

В кармане припадочно затрясся телефон. Настя только-только уснула, спала беспокойно, поскуливала во сне, хмурилась... Ее сейчас не следовало бы оставлять одну. Но Хозяйке говорить об этом бесполезно, Хозяйка вряд ли помнит, что у нее есть дочь. Это даже и хорошо, по крайней мере, ребенок огражден от влияния этой идиотки. Почти огражден. Во всяком случае, что касается Александры, то уж она-то делает все возможное, чтобы ребенок с матерью встречался как можно реже. Но время от времени в тараканых мозгах Хозяйки что-то перемыкало, и тогда она вдруг решала, что пора заняться воспитанием дочери. Или — чаще — ее гардеробом. Или — реже — ее здоровьем. Тогда Хозяйка звонила Александре и приказывала привести Настю. Почти всегда звонила именно тогда, когда Настя спала, обедала, занималась уроками или болела. Среди ночи тоже звонила. Хозяйка не очень понимала разницу между ночью и днем. В самом начале Александра сдуру два раза выполняла Хозяйкины приказы. Потом — сдуру же — пыталась что-то объяснить. Потом научилась эти приказы аккуратно обходить. Или даже не очень аккуратно. Выбор метода зависел от того, что Хозяйка в тот момент предпочла: обкурить-

ся, нанюхаться или нализаться какой-нибудь дряни. Из огромного количества всякой дряни, хранившейся в ее личном баре, Хозяйка предпочитала виски с кока-колой.

Александра вышла из детской, прикрыла дверь и вынула из кармана припадочный телефон.

— Александра, зайдите ко мне. Я в своем кабинете, — светским голосом сказала Хозяйка и отключилась.

Хозяйкин светский голос поразил Александру в первую же встречу. Он вообще почти всех поражал. После замужества Хозяйка стала брать уроки дикции. Или сценической речи? В общем, преподаватель из какой-то фирмы, специализирующейся на обучении тараканих, набежавших на запах денег и блеск бомонда откуда-нибудь из-под райцентра с поэтичным названием Заподлюкино, в свое время объяснил Хозяйке, что говорить «хто», «ды прям» и «шо такое» не следует. И матом ругаться в обществе не следует, особенно в обществе людей, от которых зависит бизнес мужа. Еще не следует слишком широко открывать рот, когда ешь, говоришь и смеешься. А то заметны железные зубы. Могут не понять. И тараторить взахлеб, брызгая слюной, тоже не следует.

Может быть, преподаватель объяснил и то, что делать следует, но вряд ли Хозяйка могла запомнить сразу такой объем информации. А то, что запоминала, применяла на практике не всегда. Но когда применяла — вот тогда и поражала всех своим светским голосом: говорила, скав зубы, странно артикулируя одной нижней губой, в самых неожиданных местах фразы понижая и повышая голос, и при

этом время от времени цыкала зубом. Правда, железные зубы она заменила фарфоровыми. Хотела заменить и остальные, но сначала все как-то некогда было, а потом решила, что и так ничего. А что немножко желтые и слегка кривые — так это почти незаметно, если рот не очень широко открывать. Главное — не болят пока, так что зачем без пользы деньги тратить?

Хозяйка не любила тратить деньги без пользы. Хозяин из-за каких-то пустяков время от времени блокировал ее счет, и ей приходилось страшно экономить буквально на всем, чтобы денег хватало на полезные траты. Даже был случай, когда она почти неделю не покупала себе ни одежды, ни обуви, ни украшений, потому что опять осталась на мели, с какой-то незначительной мелочью наличными. Мелочи едва хватало на самое необходимое — на кокайн и на визажиста. Хозяин целую неделю держал ее на голодном пайке. Хозяйка даже собралась уже желтый бриллиант своей Дашике продавать. Но обошлось. Хозяин ее вовремя простил.

Из-за двери кабинета доносились невнятные стуки и шорохи и внятный мат. Светским голосом. И запах из-под двери шел какой-то странный. Скорее всего — нализалась. А потом опрокинула несколько бутылок разной дряни из своего личного бара. А потом от расстройства распотрошила свой НЗ и еще и накурилась. После той страшной недели жесткой экономии у Хозяйки появилась привычка всегда держать в доме стратегические запасы травки. А может быть, воскресла старая привычка к запасам. Кухарка говорила, что в первые месяцы замужества Хозяйка сама закупала продукты — всё

больше консервы, макароны и крупу — и требовала, чтобы к зиме насолили огурцов, наквасили капусты и наварили варенья. Все это стояло в подвале два года, прокисло, зацвело и засахарилось, а потом Хозяйка приказала отдать запасы в детский дом.

Александра звонко постучала кольцом по бронзовой ручке двери и стала ждать. Она всегда ждала, когда ей разрешат войти. Хозяйка эту ее привычку ненавидела. Но это было по правилам — входить только после разрешения. Против правил Хозяйка ничего поделать не могла. Александра этим время от времени пользовалась. Любую Хозяйкину дурь, направленную на ребенка, можно было без особого труда dezактивировать заявлением «нет, это будет нарушением этикета». Больше всего в жизни Хозяйка боялась нарушить этикет. Все остальное нарушила не задумываясь. Вернее — даже не замечая.

Телефон в кармане опять затрясся в припадке служебного рвения. Александра неторопливо вынула его и какое-то время смотрела на экран: ХОЗЯЙКА-1. На экране этого телефона ничего другого никогда не появлялось. Служебный. У всех в доме были такие телефоны. По ним никто не имел права никуда звонить. По ним только отвечали. Хозяйке-1.

— Ксения Леонардовна, я здесь — суховато сказала Александра в трубку.

— Александра, вы можете войти, дверь отпёртая, — светским голосом ответила трубка.

Отбой. Мат за дверью. Всё-таки, скорее всего, нализалась. Когда наниюхивается — поет или смеется. Впрочем, неизвестно, что хуже. Все хуже.

Александра толкнула дверь, переступила порог и остановилась, не решаясь ни дверь за собой при-

крыть, ни еще хоть один шаг сделать. В комнате стояла плотная удушливая вонь. Похоже, Хозяйка вылила на ковер все запасы духов, дезодорантов, лосьонов и лака для волос. Запасы у нее были колоссальные. На столе, на диване и на полу валялось десятка три флаконов, флакончиков и флаконищ. Хозяйка предпочитала покупать пол-литровые бутылки дорогих духов. Ее Дашка как-то подсчитала, что большая бутылка обходится дешевле, чем двадцать маленьких. Почти на семь долларов. Количество товара одно, а цена разная. С тех пор Хозяйка экономила по семь долларов на каждом поллитре духов. На десяти литрах — почти полторы сотни. Хозяйка любила экономить. Наверное, сейчас она избавлялась от старых запасов, чтобы закупить новые десять литров. Еще почти полторы сотни сэкономить.

Хозяйка сидела на диване и сосредоточенно разглядывала обложку какого-то глянцевого журнала. Хмурилась. Глянула исподлобья, подвигала нижней губой, сказала светским голосом:

— Входите, входите. Я вас жду. Дверь закройте. И сядьте. Я не намерена все время голову задирать.

Не намерена... Новое слово в лексиконе. Наверное, в журнале вычитала. Все новые слова Хозяйка вычитывала в глянцевых журналах.

— Ксения Леонардовна, здесь чрезвычайно душно, — брезгливо заметила Александра. — Боюсь, при закрытой двери я не сумею дышать. Сначала следовало бы открыть окно.

Ее брезгливость, чопорность, холодную отстраненность и некоторую надменность Хозяйка очень ценила. Считала это признаком аристократизма.

В глубине души побаивалась и иногда пробовала подражать. Для поддержания сложившегося имиджа Александра время от времени слегка надменничала или элегантно хамила. Аристократизм по определению исключал хамство, даже самое элегантное. Но Хозяйка об этом не догадывалась. Она считала, что если хамят — то имеют на это право. Сама хамила по праву Хозяйки-1. А за Александрой признавала это право по факту происхождения. Гостям рассказывала: «У меня одна княгиня работает. Такая стерва, настоящая аристократка».

— Да прям, душно...

Хозяйка подергала пухленьким носом, слегка свернутым в сторону. Говорят, раньше нос был свернут в сторону гораздо больше. После пластической операции Хозяйка потребовала, чтобы нос подвинули еще ближе к середине, но хирурги объяснили ей, что в таком случае будет очень заметно, что рот тоже на боку. Рот передвинуть к середине лица никак невозможно, потому что вся нижняя челюсть асимметрична. Можно, конечно, попробовать ее перекроить, но результат не гарантируется. Хозяйка не поверила, поехала в Швейцарию. Там ей сказали то же самое. От операции не отговаривали, но заломили такую сумму, что Хозяйка сказала светским голосом: «Совсем оборзели». Вернувшись домой, неделю обзванивала всех знакомых и с гордостью называла эту сумму, добавляя светским голосом: «Ну, что ж, недорого».

— Да прям, душно, — сказала Хозяйка, дергая носом. — Но если хотите, можете открыть окно.

Александра стояла неподвижно и смотрела непонимающе. Хозяйка поджала губы, пошарила ру-

ками вокруг себя, нашла среди флаконов мобильник и стала долго и неуклюже искать нужный номер. Ногти мешали. Наконец нашла. Ответа ждала три секунды, но успела за это время шепотом сказать: «Падла, сука, шалашовка, уволю, шлюха, блин», — и, без паузы, громко:

— София, зайдите ко мне. Я в своем кабинете.

Почти сразу за спиной Александры тихо зашлепали резиновые подошвы, она, не оглядываясь, посторонилась, и в комнату заглянула Соня:

— Ксения Леонардовна, я пришла. Чего сделать надо?

— Стучаться надо! — рявкнула Хозяйка.

— Извините, — испуганно сказала Соня, вытаращила глаза и старательно постучала по косяку костяшками пальцев. — Дверь-то открытая, вот я и забыла...

— София, у вас склероз? — светским голосом осведомилась Хозяйка. Еще и светское лицо сделала. Тяжелое зрелище. — Откройте окно.

— Сию минутку!

Соня заспешила к окну, ловко переступая через валявшиеся на полу банки и флаконы, раздвинула тяжелые темно-зеленые шторы и оглянулась на Хозяйку. Та сидела, опять уткнувшись в глянцевый журнал, и на Соню не смотрела. Она не любила смотреть на молоденьких и хорошеньевских девушек.

— Настежь открой, — негромко подсказала Александра холодным голосом и подмигнула Соне. — Обе створки. Пошире.

— Сию минутку! — Соня подмигнула Александре и распахнула окно. — Ксения Леонардовна, пустую посуду вынести? Из-под одеколона-то?

— Ничего не трогайте! — Хозяйка подняла кривоватый нос от журнала, щуря глаза от ломившегося в комнату солнца. — Одеколон! София, вы в своем уме?.. Можете быть свободны. Закройте за собой дверь.

— Сию минутку! — Соня, старательно обходя пустую посуду, пошла к выходу. Поравнявшись с Александрой, скроила смешную физиономию, вышла и закрыла дверь.

— Деревня, — сказала Хозяйка, с ненавистью глядя на дверь, и потерла пальцами виски. Лакированные волосы довольно громко скрипели под лакированными ногтями. — Лимита. Понаехало в столицу всякой шушеры...

Соня была коренной москвичкой, из профессорской семьи, все ее предки были коренными москвичами и профессорами — и папа, и мама, и оба дедушки, и одна бабушка, и даже кто-то из прадедов... Соня окончила мединститут и до декрета успела немножко поработать. А теперь писала кандидатскую, потому что с двухлетней Олей сидела бабушка, так что же время терять? У Хозяйки она работала ради денег. Даже простые горничные получали в этом доме раза в два больше, чем в любом другом. Всё это Хозяйка знала, служба безопасности ее мужа тщательно проверяла всех, кто появлялся в доме.

Служба безопасности не знала темы Сониной диссертации, поэтому и Хозяйка ее не знала. А всё остальное знала. Гостям рассказывала: «У меня профессорша одна работает. Такая криворукая, даже пыль как надо не сотрет».

— Ну, шо ж теперь, — сказала Хозяйка и цыкнула зубом. — Хто-то должен и горшки мыть... Алекс-

сандра, сядьте уже куда-нибудь. Хоть вон на то кресло. Я хотела с вами... посоветоваться.

Посоветоваться. Что-то новенькое. Хозяйка никогда ни с кем не советовалась, кроме своей Дашки.

Александра, отодвигая ногами с пути флаконы, прошла к креслу, вынула из него и поставила на стол еще три полупустых флакона, села, выпрямив спину и положив скрепленные руки на колени, и внимательно уставилась на Хозяйку. Нет, кажется, Хозяйка сегодня еще не успела нализаться. Возможно, даже и не курила. И не нюхала — это совершенно точно. Сегодня гостей пока не было, а в одиночестве Хозяйка никогда не нюхала. Она считала, что в одиночестве нюхают только наркоманы. А она не наркоманка, она просто за компанию... Вчера — то есть сегодня ночью — была хорошая компания, ее Дашка с двумя новыми модельками. Потому Хозяйка до сих пор и шмыгает кривоватым носом и шурится на солнечный свет.

— Александра, вы как душитесь?

— Я не пользуюсь духами, — сдержанно ответила Александра, шевельнула кистями рук и мельком глянула на часы. Без всякой демонстрации, практически незаметно.

Хозяйка заметила. Глубоко задумалась. Решала, что сделать — спросить светским голосом, куда Александра спешит, или продолжать советоваться. Решила продолжать. Щикнула зубом, дернула носом, раздраженно полистала журнал:

— Сами не знают, чего пишут. Кто чего... В прошлый раз писали, что на себя брызгать нельзя, только мимо. А потом в облаке ходить. А перед этим писали, что надо на руки и за ушами... А те-

перь вот пишут, что надо в туфли брызгать. Кто хоть в этих журналах работает? Вообще информацию не проверяют. У нас бы за такую брехню живо премии лишили. Никаких профессионалов ни- где не осталось.

Хозяйке в молодости довелось почти полгода поработать корреспонденткой какой-то ведомственной многотиражки. Своим славным журналистским прошлым она очень гордилась.

Александра молча слегка склонила голову. Да, мол, согласна. Не осталось профессионалов.

А как они могли уцелеть? Остались только профессиональные убийцы, воры и шлюхи. Во всех остальных видах деятельности профессионализм не востребован.

— Вы посмотрите на эту рожу! Это модель?! — Хозяйка потрясла журналом и протянула его Александре.

Александра не шевельнулась. Хозяйка поднялась, подошла, отпихивая тапками пустую посуду из-под одеколона, бросила журнал на шахматный столик, стоящий рядом с креслом, и, обессиленная такой физической нагрузкой, тяжело свалилась в кресло, стоящее с другой стороны столика. Александра слегка повернула голову и без интереса взглянула на обложку журнала. Модель как модель. Не хуже других. Вернее — точно такая же, как все остальные модели. Стандартное лицо, загrimированное под куклу Барби. Пустенькие глазки, жиденькие волосики, ничего не выражаящая улыбка. Лет шестнадцать, наверное. К двадцати — сопьется. Или снаркоманится.

— Надо делать журнал, — совсем уж светским голосом заявила Хозяйка. И лицо сделала совсем уж

светское. Господи помилуй... — Надо делать свой журнал. Для настоящих... для настоящих... э-э... для настоящей элиты. Для нашего круга. Его будут делать профессионалы. Чтобы никакой лажи, только проверенная информация. И никаких неизвестных мочалок на обложке. Только самые известные! Только суперстар! Журнал будет дорогой. Самый дорогой из всех. Не каждому по карману. Никаких демократических цен. Недоступность — вот наш девиз... то есть слоган. В общем, чтобы всяческое чмо не хватало. И тираж совсем маленький, тысячи три, только для самой верхушки. А прибыль — за счет рекламы. У нас будет самая дорогая реклама. Квадратный сантиметр — пятьсот долларов! Или даже тысяча... Надо потом обдумать как следует, это вопрос принципиальный. Как вам идея?

— Я в этом ничего не понимаю, — равнодушно сказала Александра.

— Зато я понимаю, — с законной гордостью ответила Хозяйка. — У меня есть опыт работы в средствах массовой информации. Редакторство я беру на себя. Но мне будут нужны подходящие кадры. Александра, я вам предлагаю должность консультанта в моем журнале.

Нет, всё-таки накурилась, наверное.

— У меня другая профессия, — напомнила Александра. — И у меня уже есть работа.

— Ой, ну прям — профессия! — Хозяйка спохватались, замолчала, подергала носом и примирительно сказала почти человеческим голосом: — Я и не говорю, чтоб работу бросать... Консультант — это так, как бы между делом. И деньги будут дополнительные... Много. Примерно столько же.